

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ/RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.170.121> EDN: PQNUHQ

СЛОВОФОРМА «КОШМАР» В АСПЕКТЕ СТУПЕНЧАТОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АДВЕРБИАЛИЗАЦИИ

Научная статья

Шигуров В.В.^{1,*}, Шигурова Т.А.²¹ ORCID : 0000-0002-4898-6484;² ORCID : 0000-0001-5342-8471;^{1,2} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (shigurov[at]mail.ru)

Предложена: 07.05.2026; Принята: 04.06.2026; Опубликовано: 17.08.2026

Аннотация

Статья посвящена проблеме ступенчатой транспозиции языковых единиц из субстантивного класса в класс наречий. Новизна работы состоит в исследовании этапов и признаков адвербиальной транспозиции беспредложных существительных на материале конкретной словоформы, обнаруживающей в современном языке разные стадии отхода от класса существительных и приближения к классу наречий. Прослеживается механизм взаимодействия двух частей речи, по-разному обнаруживающий себя на тех или иных этапах грамматического перерождения языковой единицы. Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в познание общего устройства адвербиального механизма, продуцирующего широкий спектр синкретичных образований в зонах периферии исходного существительного и производного наречия, а также в зоне гибридных структур. Результаты работы могут быть использованы в практике преподавания грамматики в высшей и средней школе, а также при создании разного рода словарей русского языка.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, существительное, наречие, адвербиализация, ступени.

THE WORD FORM "NIGHTMARE" IN THE ASPECT OF STEP-BY-STEP FUNCTIONAL ADVERBIALIZATION

Research article

Shigurov V.V.^{1,*}, Shigurova T.A.²¹ ORCID : 0000-0002-4898-6484;² ORCID : 0000-0001-5342-8471;^{1,2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

* Corresponding author (shigurov[at]mail.ru)

Suggested: 07.05.2026; Accepted: 04.06.2026; Published: 17.08.2026

Abstract

This article examines the stepwise transposition of linguistic units from the substantive class to the adverbial class. The novelty of this work lies in its exploration of the stages and features of the adverbial transposition of prepositionless nouns using a specific word form, which in modern language exhibits various stages of departure from the noun class and approach to the adverbial class. The mechanism of interaction between these two parts of speech is explored, manifesting itself differently at different stages of the grammatical transformation of a linguistic unit. The theoretical significance of this work lies in its contribution to our understanding of the general structure of the adverbial mechanism, which produces a wide range of syncretic formations in the peripheral zones of the original noun and the derived adverb, as well as in the zone of hybrid structures. The results of this work can be used in grammar teaching in higher and middle schools, as well as in the creation of various types of Russian language dictionaries.

Keywords: Russian language, grammar, noun, adverb, adverbialization, steps.

Введение

Исследование процессов обогащения наречного класса за счет существительных в формах именительного / винительного (*страх, ужас, смерть, кошмар, максимум, минимум, капельку, крошечку* и т.п.), родительного (*дома*) и творительного падежей (*рядом, кругом, чудом, зимой, вечером* и т.п.), подвергающихся ступенчатой адвербиализации как в пределах семантической зоны исходных лексем, так и с выходом за границы, с нарушением тождества субстантивных лексем, требует «штучной» работы с отдельными словоформами. Как показывают наблюдения, у каждого слова (или словоформы) может быть, свой оригинальный путь в наречие, закрепленный в типовых контекстах современного русского языка в виде определенных этапов, демонстрирующих постепенное продвижение языковой единицы из пункта А (существительное) в пункт Б (наречие). Проследить такое движение, связанное с постепенной утратой у исследуемой языковой единицы семантико-грамматических признаков существительных, и одновременное приобретение ею признаков производного адвербиального класса, можно с использованием такого графического приема, как шкала переходности, предложенная В.В. Бабайцевой (см.: [1, С. 132-144]). В ряде случаев отдельные стадии адвербиализации могут оказаться не представленными в современном языке.

Наличие огромного количества переходных (синкретичных) явлений, обусловленных разными этапами категориального перерождения языковых единиц в рамках транспозиционных процессов адвербиализации, предикативации, модализации, интеръективации и т.п. (см.: [15]; [17]) позволяет компактно, но очень емко представлять средствами языка многоплановую информацию (см. также: [6, С. 82]), что связано как с законом асимметричного дуализма языковых знаков, так и с законом экономии языковых средств и речевых усилий. Теоретическую основу исследования представляют работы по теории транспозиции (трансляции, деривации, конверсии), в которых в разной терминологической системе излагается сущность механизма категориального преобразования языковых единиц при их перемещении из одного класса в другой (см., напр.: [2], [7, С. 5-11], [8], [12], [13, С. 25-38], а также [18], [19], [20]). В качестве материала для исследования взяты предложения, извлеченные из Национального корпуса русского языка (для его обозначения применяется аббревиатура НКРЯ) [14], а также иногда примеры авторов статьи.

Цель данной статьи — исследование процесса и результата ступенчатой транспозиции субстантивной словоформы «кошмар» из класса существительных в адвербиальный класс; определение признаков каждой стадии его адвербиализации.

Применялись такие методы, как структурно-семантический метод, оппозиционный метод, лингвистический эксперимент в сочетании с элементами дистрибутивного и трансформационного анализа.

Основные результаты

Словоформа *кошмар* подобно существительным типа *ужас*, *страх*, *жуть*, *страсть*, *смерть* сближается в определенных условиях речи с количественными наречиями в значении очень высокой степени качества (в широком смысле). Степень ее собственно грамматического сближения с наречиями можно представить в виде нескольких этапов адвербиализации, эксплицирующих зону ядерных существительных (исходный пункт транспозиции) и зону переходности, которая включает в себя, с одной стороны, зоны периферии субстантивного и адвербиального классов, а с другой — зону гибридности, промежуточных образований — полусуществительные и полунаречия. По мере продвижения к наречиям словоформы вроде *ужас*, *кошмар* параллельно сближаются с предикативами, междометиями, местоимениями-числительными.

Зона ядра в системе существительных, а также те или иные этапы адвербиализации демонстрируют типовые контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка.

Исследованный материал свидетельствует о том, что адвербиальная транспозиция словоформы *кошмар* имеет, в отличие от словоформ *ужас*, *страх*, *смерть*, исключительно функциональный характер. Это означает, что ее поэтапное продвижение в разных условиях речи к количественным наречиям происходит в пределах семантической зоны исходной лексики. Основные этапы адвербиализации словоформы *кошмар* можно условно представить в виде четырех ступеней (звеньев) на шкале переходности: **А** → **Аб** → **аб** → **Аб**:

Ядро существительного

Для ядерного существительного *кошмар* (ступень **А** на шкале переходности) характерны такие лексические значения, как: «1. Тягостное, гнетущее сновидение, иногда сопровождающееся ощущением удушья. Кошмары замучили по ночам (1). 2. Разг. О том, что является тягостным, ужасным, отвратительным. Освободиться от кошмара лагерной жизни» (2) [5, С. 465]; см. также [3, С. 563]). Например:

(1) *Я так переживала! Мне даже кошмар снился. Будто назначили воспитателем, группу подростков вручили* (И. Телицына. Кинотеатр поп-корного фильма (1997) // «Столица», 12.08.1997); *Лихорадочный кошмар мучил Дебрянского целую ночь...* (А. Амфитеатров. Жар-цвет (1895));

(2) *Этот кошмар продолжался до начала XVII века* (Стамбул (2011)) [14]; *Телевизор не спасал, а только усугублял этот кошмар* (А. Уткин. Крепость сомнения (2010)) [14]; *Уже в Одессе кошмар последних двух недель начал отпущать* (А. Уткин. Дорога в снегопад (2008-2010)) [14]; *Самый страшный кошмар Федерера внезапно стал явью, и у кошмара было испанское имя — Надаль* (А. Геласимов. Дом на Озерной (2009)) [14]; *Еще немного хохота, телевизора и музыки — только к четырем утра все затихает. Кошмар продолжался каждую ночь* (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда (2006)) [14].

В специализированном «Большом толковом словаре русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы» под редакцией Л.Г. Бабенко [4, С. 48] *кошмар* входит в семантическую группу существительных, которые передают «физиологические состояния и процессы, характерные для человека». Субстантиву *кошмар* здесь приписано значение «физиологическое состояние, связанное с тяжелыми гнетущими сновидениями и нередко сопровождающееся ощущением удушья». Например: *Сон превращался в кошмар*.

В зоне ядра существительных словоформа *кошмар* употребляется в роли подлежащего и дополнения, что обеспечивает реализацию субъектных и объектных отношений. Отчетливо проявляются дифференциальные признаки данной части речи — субстанциальная семантика; категории рода, числа и падежа с экспликацией словоизменительных падежно-числовых парадигм. Словоформа *кошмар* относится к подклассам неодушевленных, нарицательных и конкретных существительных. Для нее характерна типичная синтагматика субстантивных единиц — сочетаемость с адъективными и присубстантивными распространителями.

Периферия существительного

К периферийным существительным (ступень **аб** на шкале переходности) относится словоформа *кошмар*, реализующая в функции эмоционально-оценочного предиката, лексическое значение «Кошмарно, ужасно (о трудном, страшном событии, положении, происшествии и т.п.)» [5, С. 465]. Для категорий падежа и числа в этом случае характерны фиксированные типы употребления, а именно именительный падеж и единственное число. Начало движения в сторону наречия проявляется в появлении у существительного качественного значения в позиции сказуемого, употребляемого чаще всего с формализованным подлежащим — указательным местоимением-существительным *это* и местоимением-прилагательным *какой-то* (3) или с элиминированным подлежащим (*это*) (4).

Слово *это* в составе сказуемого может быть гибридом, совмещающим свойства указательной частицы и связки (5); ср.:

(3) (а) «Да, то есть... бумаги никакой не было... — потерялась Настя и закрыла лицо руками, — **это кошмар какой-то**» (А. Останина. Как поймать стрижа // «Волга», 2015) [14];

(б) *Это ужас! Это кошмар! Это же опасно для людей нашего двора!* (Б. Минаев. Детство Левы (2001)) [14];

(4) *И тут Машенька — я уже не помню, сколько ей тогда лет было, девочке моей, — голой рукой давай с меня этот огонь сбивать... Представляете, **какой кошмар**? Народу было немного, все оглянулись* (И. Сахновский. Острое чувство субботы. Восемь историй от первого лица (2012)) [14];

(5) *И если розовый не будет доставлен завтра утром, пеняйте на себя! Хозяйство — **это кошмар**. Ну что ты стоишь столбом, Шарль, почему это я должна на них орать?* (А. Китаева. Белый танец (2014)) [14].

В целом периферийному существительному *кошмар* присущ практически полный набор дифференциальных признаков исходного класса слов как на уровне категориальной и лексической семантики, так и области собственно морфологических и синтаксических особенностей, лексико-грамматических разрядов. Фиксированное употребление форм числа и падежа периферийного существительного *кошмар* обуславливает его признак неизменяемости. Сдвиг на стадии периферии обнаруживается на синтаксическом и семантическом уровнях, поскольку словоформа не используется в типичных для данной части речи функциях подлежащего и дополнения.

Функция сказуемого служит условием для включения словоформы *кошмар* в два других транспозиционных процесса.

При абсолютном употреблении в восклицательных высказываниях словоформа *кошмар* подвергается функциональной транспозиции в эмотивное междометие, выражающее чувства удивления, возмущения и т.п.:

(6) (а) *И это XXI век! **Кошмар!** Занимался подготовкой двух публикаций — писем С. В. Паниной и С. П. Мельгунова к А. В. Тырковой* (В. Шелухаев. Дневник (2011)) [14];

(б) *А потом вода потекла в обратном направлении, в отжимающий отсек, отчего у Сирки все сжалось внутри и засосало под ложечкой. О, **кошмар!** Реки потекли в другую сторону* (И. Абузаров. Бытовая экология // «Октябрь», 2013) [14].

При употреблении в синкретичной функции предиката и обстоятельства меры и степени словоформа *кошмар* включается в процесс прономинализации, заключающийся в функциональном сближении с местоимениями-числительными в неопределенно-большом количественном значении (см.: [16]). Такое употребление связывается в толковых словарях русского языка со значением 'О большом количестве кого-, чего-л. *Народу в метро — кошмар!*' [5, С. 465] (местоименно-числительный тип употребления *кошмар* в значении 'очень много'). Ср. также местоименно-числительный тип употребления глаголов (*Ягод — завались, хватает*), наречий (*Грибов — навалом, много*), кратких прилагательных (*Желающих — полно*) и других существительных (*Комаров — тьма, гибель, море*).

Гибрид существительное-наречие

К зоне гибридности (ступень **аб** на шкале переходности) относится словоформа *кошмар*, допускающая двойственную трактовку. Во-первых, ее можно осмыслить в качестве оценочного предиката двусоставной предикативной единицы с наличным или эллиптированным формализованным подлежащим *это* ((*Это*) кошмар, до чего было страшно); во-вторых, данную словоформу можно рассматривать также как обстоятельство меры и степени, выступающее в виде количественного интенсификатора оборота, включающего местоимение-частицу (типа *как, какой, что за, сколько, насколько*) и качественного слова, представленного словами разной частеречной принадлежности (наречие, прилагательное, глагол и др.). Обязательным условием употребления гибрида *кошмар* является употребление после него запятой.

Ср. типовые контексты употребления гибрида:

(7) *Господи Иисуси... **Кошмар, как он тебя ударил!** Славка пошла на кухню и достала из морозилки лед — бросила несколько кусков в стакан, налила себе вина и прикладывала стакан к синяку, когда не пила из него: «Иди спать, Рая* (Н. Медведева. Любовь с алкоголем (1988–1993)) [14] (≈ 'Это кошмар...; Очень сильно он ударил...');

(8) *«**Кошмар, сколько учить придется!**...» — подумала Таня, которой как раз не терпелось поскорее перейти к практике* (Д. Емец. Таня Гроттер и маговичский контрабас (2002)) [14] (≈ 'Это кошмар...; Очень много учить придется...');

(9) *Alfina: **Кошмар, какое у меня смещенное восприятие** — у меня было полное ощущение, что ты никак не выше меня* (Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)) [14] (≈ 'Это кошмар...; Очень смещенное восприятие...').

Для гибрида *кошмар* характерен набор взаимодействующих при адвербиализации свойств существительных и наречий. Из признаков существительного у гибрида следует отметить семантику предметности, категории рода, числа и падежа (в фиксированных формах единственного числа и именительного падежа), лексико-грамматические разряды нарицательных, неодушевленных и конкретных слов. Адвербиальные признаки — семантика признака признака, неизменяемость, функция обстоятельства меры и степени, подкласс определительно-количественных слов.

Гибриду *кошмар* свойствен функциональный синкретизм, обусловленный двойной синтаксической связью: отнесенность к подлежащему (наличному или эллиптированному) объясняется наличием функции предиката, а синтаксической отнесенностью к словесному комплексу с местоимениями-эмоционально-экспрессивными частицами (*кошмар, как здорово; кошмар, сколько было...*) — наличием функции обстоятельства меры и степени.

Периферия наречия

К зоне периферии наречий (ступень **Аб** на шкале переходности) относится такое употребление словоформы *кошмар*, которое связано выражением очень высокой степени проявления какого-либо признака (в широком смысле слова). В четырехтомном академическом «Словаре русского языка» [11, С. 118] у многозначного слова *кошмар* выделено специальное значение наречия: «4. Прост. Очень, крайне, чрезвычайно. Яблоко много — кошмар. Мы с

мамой не знаем, что с ними делать. Горышин, Длинная дорога с футбола». В таких контекстах *кошмар* синонимично количественному наречию: *Яблок много — кошмар ≈ Яблок очень много*.

Аналогично трактуется данное адвербиальное значение у словоформы *кошмар* в «Большом академическом словаре русского языка» [3, С. 563-564]. Отличие лишь в том, что наречию *кошмар* приписана помета «разговорное» (а не «просторечное», как ранее в Малом академическом словаре).

В «Большом толковом словаре русского языка» [5, С. 465] значение наречия у словоформы *кошмар* не отмечается, но выделяется значение «О большом количестве кого-, чего-л. *Народу в метро — к.!*», которое связывается с функцией сказуемого. Данный тип употребления демонстрирует транспозицию словоформы в синкретичной функции предиката и обстоятельства (меры и степени) в местоимения-числительные с семантикой неопределенно-большого количества предметов. Ср. слова разных частей речи в аналогичной местоименно-числительной функции: *Народу тьма, полно, навалом, завались* (см. также: [16]). Значение наречия «Очень, крайне, чрезвычайно» приписано в рассматриваемом словаре наречию *кошмарно*. См. приведенные в этом словаре примеры: *Он кошмарно навязчив. Книга кошмарно скучна* [5, С. 465].

Эмоционально-оценочное адвербиальное значение высокой степени проявления качества фиксируется в толковых словарях у адвербиализованных существительных *ужас, страх, страсть, смерть, чудо* (часто в сочетании со словами *как, какой, сколько, до чего* и нек. др.). Например: *Эта ситуация ужас как скучна! Ужас какой умный!* (см.: [9, С. 828]).

В сходных условиях может быть использовано и отсубстантивное количественное наречие *кошмар*; ср.: *Он был кошмар какой надоедливый* (≈ «очень надоедливый»).

При постпозитивном употреблении с интонационным расчленением фразы для актуализации обособленной позиции *кошмар* наблюдается функциональное сближение данной словоформы не только с наречием, но и с эмотивным междометием в рамках пересекающихся транспозиционных процессов адвербиализации и интеръективации. См. также примеры из Национального корпуса русского языка:

(10) В академии сегодня скука *смертная и редкостная — кошмар* (Письмо подруге (2004)) [14];

(11) Хьюберту казалось: в стране, в которой он очутился, царит неуловимая логика сна. И сон *дурной, кошмар*. Самому ему снились невероятные блокбастеры (Н. Галкина. Вилла Рено // «Нева», 2003) [14].

Иногда встречается предикативно-оценочное употребление наречия *кошмар* с другими зависимыми наречиями:

(12) *Rain Belt*: Мужу очень помогает — зимой у него *совсем кошмар* с кожей рук (Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)) [14].

Частеречный синкретизм образования *кошмар*, обусловленный его функциональным сближением с местоимениями-числительными, эмоциональными междометиями, наречиями меры и степени, находит иногда отражение в толковых словарях в обобщенном семантико-синтаксическом толковании синкреты. См., например, трактовку *кошмар* в «Словаре наречий и служебных слов русского языка» составителя В.В. Бурцева» [10, С. 234]: «**Кошмар**, в знач. сказ., разг. О чем-н. проявляющемся очень сильно: о большом количестве кого-, чего-н. *Морозы в этом году – кошмар! Не успеваю на поезд, кошмар! Народу набежало, кошмар!*»

При грамматическом преобразовании в периферийное наречие гибрида *кошмар* (как *устал*) утрачивает дифференциальные свойства существительных на семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Оно лишено субстанциальной семантики; категорий рода, числа и падежа; парадигматических характеристик; разрядовых показателей нарицательных, неодушевленных, конкретных слов; первичных субстантивных функций подлежащего и дополнения; зависимых слов в виде адъективных и присубстантивных распространителей. С другой стороны, наречию *кошмар* присущи такие признаки адвербиальной лексики, как семантика вторичного признака; неизменяемость; функция обстоятельства; разрядовые значения определительных, количественных наречий.

Результатом собственно грамматической транспозиции существительного *кошмар* является образование функционального омонима (*кошмар*), не нарушающего тождества исходной лексемы. Ср типовые контексты употребления этих омонимов:

(13) Ночной *кошмар* долго не давал успокоиться (сущ. в знач. «тягостное, гнетущее сновидение»);

(14) Он *кошмар* как надоел всем (нареч. в знач. «очень»).

По-видимому, сфера адвербиального употребления *кошмар* синтагматически ограничена: это наречие употребляется в разговорной речи для количественной интенсификации признаков, главным образом в сочетании с местоимениями-частицами типа *как, какой, сколько*; ср.: *кошмар какой надоедливый; кошмар как надоел* и т.п.

В постпозиции адвербиализации существительного *кошмар* пересекается с процессами прономинализации (при сближении с местоимениями-числительными в неопределенно-количественной функции) или интеръективации (при сближении с эмоциональными междометиями).

Стадия периферии наречий является пределом грамматического преобразования существительного *кошмар* в наречие меры и степени. Ядерного наречия *кошмар*, которое можно было бы рассматривать в качестве лексико-грамматического омонима по отношению к исходной субстантивной словоформе *кошмар*, нет, в связи с чем правомерным является лексикографическая фиксация ее адвербиального употребления в рамках одной словарной статьи с собственно существительным.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что словоформа *кошмар* представляет в современном языке несколько последовательно сменяющих друг друга стадий категориального перерождения из существительного в количественное наречие. Все этапы ее адвербиализации имеют собственно грамматический характер, т.е. связаны с постепенным изменением в ее структуре пропорции дифференциальных частеречных признаков на разных стадиях — в направлении, с одной стороны, уменьшения субстантивных свойств, а с другой — увеличения количества

адвербиальных характеристик. Однако выхода за пределы семантической зоны исходной субстантивной лексемы у рассматриваемой словоформы в процессе ее адвербиализации не наблюдается, что дает основание говорить о чисто функциональном характере данного типа межчастеречной транспозиции. Пределом адвербиализации для словоформы *кошмар* служит зона периферии наречий, представленная собственно грамматическими отсубстантивными наречиями.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.170.121.1>

Funding

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project № 24-28-00674 "Study of adverbialization as a type of stepwise transposition of substantive word forms in the system of parts of speech of the Russian language".

Conflict of Interest

None declared.

Review

Community of Reviewers of the International Research Journal

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.170.121.1>

Список литературы / References

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка / В.В. Бабайцева. — Москва : Дрофа, 2000. — 640 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1955. — 416 с.
3. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич. — Москва; Санкт-Петербург : Наука, 2007. — Т. 8. — 839 с.
4. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. — 2-е изд., стер. — Москва : АСТ- ПРЕСС КНИГА. — 864 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с.
6. Воротников Ю.Л. Слово и время / Ю.Л. Воротников. — Москва: Наука, 2003. — 168 с.
7. Зализняк Анна А. Русское *разве*: от предлога к вопросительной частице / Анна А. Зализняк // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2020. — Т. 79. — № 4. — С. 5–11.
8. Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл —Текст» / И.А. Мельчук. — Москва – Вена : Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. — 682 с.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — Москва : ИТИ Технология, 2006. — 944 с.
10. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева; ред. Н.М. Семенова. — Москва : Русский язык-Медиа, 2005. — 750 с.
11. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Русский язык, 1983. — Т. 2. — 736 с.
12. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — Москва : Прогресс, 1988. — 656 с.
13. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1996. — № 4. — С. 25–38.
14. Национальный корпус русского языка. — URL: <https://clck.ru/3VLbNx> (дата обращения: 13.02.2025).
15. Шигуров В.В. Транспозиция в системе частей речи как факт грамматики и словаря / В.В. Шигуров // Русский язык в контексте национальной культуры : материалы Международной научной конференции. — Саранск : Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2010. — С. 3–9.
16. Шигуров В.В. Пронаминализация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: теория транспозиционной грамматики русского языка / В.В. Шигуров. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2015. — 160 с.
17. Шигуров В.В. Теория транспозиционной грамматики русского языка: модалация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи / В.В. Шигуров. — Москва : ИНФРА-М, 2025. — 1063 с.
18. Eichinger L.M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch / L.M. Eichinger. — Tübingen, 1982. — 241 S.
19. Stekauer P. A theory of conversion in English / P. Stekauer. — Frankfurt Am Main : Peter Lang, 1996. — 155 p.
20. Marchand H. Expansion, transposition and derivation / H. Marchand // La Linguistique. — 1967. — Vol. 3. — № 1. — P. 13–26.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Babaitseva V.V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazika [Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language] / V.V. Babaitseva. — Moscow : Drofa, 2000. — 640 p. [in Russian]
2. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosi frantsuzskogo yazika [General linguistics and French language issues] / Sh. Balli. — Moscow : Publishing House of Foreign Literature, 1955. — 416 p. [in Russian]



3. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka [Large Academic Dictionary of the Russian Language] / editor-in-chief K.S. Gorbachevich. — Moscow; Saint Petersburg : Nauka, 2007. — Vol. 8. — 839 p. [in Russian]
4. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkikh sushchestvitel'nyh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy [A Comprehensive Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms] / edited by L.G. Babenko. — 2nd edition, reprinted. — Moscow : AST-PRESS KNIGA. — 864 p. [in Russian]
5. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language] / compiled and edited by S.A. Kuznetsov. — Saint Petersburg : Norint, 2000. — 1536 p. [in Russian]
6. Vorotnikov Yu.L. Slovo i vremya [Word and time] / Yu.L. Vorotnikov. — Moscow : Nauka, 2003. — 168 p. [in Russian]
7. Zaliznyak Anna A. Russkoe *pazve*: ot predloga k voprositel'noi chastitse [The Russian *Razve*: from a Proposition to an Interrogative Particle] / Anna A. Zaliznyak // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language]. — 2020. — Vol. 79. — № 4. — P. 5–11. [in Russian]
8. Melchuk I.A. Russkii yazyk v modeli "Smisl — Tekst" [The Russian language in the "Meaning — Text" model] / I.A. Melchuk. — Moscow – Vena : Shkola "Yazyki russkoi kultury", Venskii slavisticheskii almanakh, 1995. — 682 p. [in Russian]
9. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] // S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. — 4th edition, add. — Moscow : ITI Tekhnologii, 2006. — 944 p. [in Russian]
10. Slovar' narechij i sluzhebnyh slov russkogo yazyka [Dictionary of adverbs and function words of the Russian language] / compiled by V.V. Burtseva; edited by N.M. Semenova. — Moscow : Russkij yazyk-Media, 2005. — 750 p. [in Russian]
11. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language] : in 4 vol. / edited by A.P. Evgenyeva. — 2nd edition, rev. and add. — Moscow : Russkij yazyk, 1983. — Vol. 2. — 736 p. [in Russian]
12. Tenier L. Osnovi strukturnogo sintaksisa [Fundamentals of structural syntax] / L. Tenier. — Moscow : Progress, 1988. — 656 p. [in Russian]
13. Uryson E.V. Sintaksicheskaya derivatsiya i "naivnaya" kartina mira [Syntactic derivation and the "naïve" picture of the world] / E.V. Uryson // Voprosi yazykoznaniya [Questions of Linguistics]. — 1996. — № 4. — P. 25–38. [in Russian]
14. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. — URL: <https://clck.ru/3VLbNx> (accessed: 13.02.2025). [in Russian]
15. Shigurov V.V. Transpozitsiya v sisteme chastei rechi kak fakt grammatiki i slovary [Transposition in the system of parts of speech as a fact of grammar and vocabulary] / V.V. Shigurov // Russkij yazyk v kontekste nacional'noj kul'tury [Russian Language in the Context of National Culture] : proceedings of the International Scientific Conference. — Saransk : National Research Mordovia State University, 2010. — P. 3–9. [in Russian]
16. Shigurov V.V. Pronominalizatsiya kak tip stupenchatoi transpozitsii yazykovikh yedinit v sisteme chastei rechi: teoriya transpozitsionnoi grammatiki russkogo yazyka [Pronominalization as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech: theory of transpositional grammar of the Russian language] / V.V. Shigurov. — 2nd edition, rev. and add. — Moscow : NITs INFRA-M, 2015. — 160 p. [in Russian]
17. Shigurov V.V. Teoriya transpozitsionnoi grammatiki russkogo yazyka: modalyatsiya kak tip stupenchatoi transpozitsii yazykovikh yedinit v sisteme chastei rechi [Theory of transpositional grammar of the Russian language] / V.V. Shigurov. — Moscow : INFRA-M, 2025. — 1063 p. [in Russian]
18. Eichinger L. M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch [Syntactic transposition and semantic derivation: the adjectives ending in -isch in contemporary German] / L.M. Eichinger. — Tübingen, 1982. — 241 p. [in German]
19. Stekauer P. A theory of conversion in English / P. Stekauer. — Frankfurt Am Main : Peter Lang, 1996. — 155 p.
20. Marchand H. Expansion, transposition and derivation / H. Marchand // La Linguistique. — 1967. — Vol. 3. — № 1. — P. 13–26.